

А
Сергей Клычков

КНЯЗЬ МИРА

Глава первая
ТЁМНЫЙ КОРЕНЬ

ФИЛИМОНОВ ЗАВЕТ

Свети, месяц, свети!

Забирай на серёдку, чтобы дальше было видно стариковским глазам!

Уж то ли в них с каждым годом и в самом деле темнеет, то ли сам ты стал не так уж казист и высок и часто влезаешь в синюю гору, как и я же, старик, на полати!

Понемножку уходит из жизни и памяти всё!

Да и сама жизнь человечья, должно, стала короче, но только длиннее осенняя ночь!

В осеннюю долгую ночь кружатся теперь воспоминанья, как листья с плакучей березы, стоит она нищенкой под окном и отряхает слезу за слезой на дорогу, сметает ветер листья к забору и дождь прибывает к земле!

Свети, месяц, свети!

Лучина теперь уж не в моде, да и ты сам как будто тоже из моды выходишь?..

Видно ль только тебе, какие в Чагодое у нас фонари, свет к ним бежит, как плясун, по бечёвке с торфяного болота, на котором раньше жил леший Анюттик, а теперь скоро не будет даже лягушек, потому что сухо, как на бульваре, и в небо замахнулась с вырубки железная большая труба!

Выходим из моды и веры и мы!

Как теперь приниматься за сказку, когда многое уже позабылось, а коль вспоминать, так нельзя ж от себя словца не прибавить, к тому же слепой без очков разглядит, что ты ещё рта не раскрыл, а тебе уж наперёд никто на грошик не верит!

А трудно, как только трудно, когда люди не верят!

Кажется, присягу бы принял, в поруку бы крест положил по всей правильности и старине, побожился бы так, что если проскочит хоть одно слово неправды, так отсохли бы руки и ноги и к чёрту отвалился бы в сумку язык, да боюсь, что загалгачут, засмеют и бока протолкают: ни божбе, ни ворожбе народ больше не верит, а расписку, известное дело, -- не дашь!

Теперь же заранее можно сказать, в чём только тебя ни заподозрят и с первого же слова ни обвинят, а ты хоть в чём и повинен, так ведь в очень немногом: какая же вина может быть на человеке, если у него дырявая память и к старости вытянулся язык длиннее, чем хвост у коровы, и краснее, чем бабий кумач!

Начнём же теперь издалека, но с самого корня: откуда в нашей округе пошёл и повёлся серый барин Махал Махалыч Бачурин.

* * * * *

Премного лет тому будет назад, сколько -- точно трудно сказать, а если считать, так на руках пальцев не хватит, -- словом, очень давно жил в нашей округе преподобный мужик Михайла Иваныч Бачура.

Слово раньше ценилось на вес, а потому и фамилия такая, можно сказать, неспроста, а по причине: получил её Михайла Иваныч от дедушки, который тоже, должно быть, был чудной человек.

Сначала всему удивлялся:

-- Ба, дескать, ба-а, что-о случилось!

...а потом сильно чурался:

-- Чур меня, чура! Дай, дескать, бог, чтобы такое не случилось со мной!

...Отсюда и вышло вместе: бачура!

Бачурин!

Фамилия по нашей местности известная всем и каждому, в ту же пору Михайла, несмотря на такую дедушкину память, сам-то больше всё же прослыл по прозвищу Михайла-с-Палочкой, или, что то же, Михайла Святой!

Святой, конечно дело, не святой, потому что у нас, в мужицком быту, святой только с иконы снятой -- святость тайное дело, но мужик и в самом деле ничего, если то смекнуть, что и все-то мужики как в поле трава: издали так же сливаются они перед глазами, хотя каждая травинка и пахнет по-своему,